

Императорский посланник уже давно отправился в Цзяннань, а нескольких чиновников из Финансового приказа император отстранил от должностей и временно поместил под домашний арест в ожидании решения их судьбы. Тан Шэнь, узнав об этом, вернулся домой, а затем отправился в Резиденцию министра к Ван Чжэню.

Когда Тан Шэнь пришел, Ван Чжэнь как раз ужинал.

Увидев его, Ван Чжэнь распорядился:

— Подай еще одну пару палочек и пиалу.

Дворецкий ответил:

— Слушаюсь.

Тан Шэнь сел за стол.

На самом деле Тан Шэнь еще не ужинал, но сейчас его одолевало столько вопросов, что было совсем не до еды. Он смотрел на стол, ломящийся от кушаний, и даже не прикоснулся к палочкам.

Ван Чжэнь взглянул на него, мягко улыбнулся и произнес с теплотой в голосе:

— Раз ты не берешь палочки, значит, подали не то, что тебе по вкусу. Слуги, велите кухне приготовить «львиные головки» с крабовым мясом, тушеную тофуную соломку в курином бульоне и тофу «Вэньсы». — Он посмотрел на Тан Шэня: — Понравится ли это младшему соученику?

Тан Шэнь лишился дара речи.

«Львиные головки» с крабовым мясом, тофуная соломка в курином бульоне, тофу «Вэньсы»...

Все три блюда — знаменитые деликатесы из управы Гуанлин!

Что ж, Ван Цзыфэн заранее знал, зачем он пришел.

Тан Шэнь со вздохом взял палочки и быстро поел. Завершив трапезу, они ополоснули руки чаем и прошли в кабинет.

Ван Чжэнь поправил рукава, заварил чай и молвил:

— Если у младшего соученика есть вопросы, говори прямо.

Тан Шэнь собрался с духом и спросил:

— История в управе Гуанлин... Старшему соученику было обо всем известно заранее?

Первый же вопрос заставил Ван Цзыфэна усмехнуться. Он посмотрел Тан Шэню в глаза с легкой обидой:

— Неужели в твоих глазах я тот, кто ради достижения цели не гнушается никакими средствами?

Тан Шэнь оторопел и тут же поспешил объяснить:

— Старший соученик меня не так понял. Я вовсе не намекаю, будто смерть помощника уездного начальника в Цзянду как-то связана с тобой. Я лишь хотел спросить, когда именно ты узнал об этом.

Ван Чжэнь, разумеется, понимал, что Тан Шэнь не подозревает его. Однако, глядя на его тревожный, полный участия взгляд, он не удержался от легкой улыбки и ответил:

— Двадцать девятого числа прошлого месяца.

Двадцать девятого числа первого месяца!

Это означало, что помощник уездного начальника Цзянду из управы Гуанлин погиб в первой декаде первого месяца, а уже через полмесяца Ван Чжэнь знал обо всем. Император же получил известие лишь спустя с лишним месяц!

И впрямь, все происходящее было частью замысла Фракции Вана!

Получив ответ, Тан Шэнь смог подтвердить многие свои прежние догадки. Он сказал:

— Я еще давно предполагал, что Ван Цюань выдвинул «Двадцать три статьи о налоговой реформе» лишь для вида, якобы ради преобразования налогообложения. На самом же деле это ширма для замены монет бумажными деньгами, позволяющая скрытно претворять идею в жизнь. Вот только Левый канцлер ни за что не оставил бы это без внимания, а потому и добился возобновления работы Финансового приказа, намереваясь вмешаться.

Ван Чжэнь налил чашку чая, неторопливо сделал глоток и спокойно посмотрел на Тан Шэня:

— Продолжай.

— Левый канцлер хотел урвать свою долю, на что Канцлер Ван согласиться не мог. Но ведь в руках Левого канцлера сосредоточена огромная власть над двором, и подобные дела трудно утаить от него. Поэтому в прошлом году старший соученик во всеуслышание поддержал при дворе предложение Левого канцлера возобновить работу Финансового приказа и урезать полномочия другого Финансового приказа. Тот, кто действует осторожно и боязливо, редко оставляет зацепки; но если не сдержаться и пойти напролом раньше времени, совершишь ошибку. Левый канцлер, добившись возрождения Финансового приказа, действительно отнял часть власти, но тем самым проявил излишнюю рьяность и открыл уязвимое место.

Ван Чжэнь пристально всматривался в Тан Шэня, отчего тому стало не по себе.

— Почему старший соученик так смотрит на меня?

— С тех пор как возобновилась работа Финансового приказа, прошло полгода. Младший соученик все это время следил за событиями?

— Да.

— И почему же?

Тан Шэнь подумал и ответил:

— В конце концов, я принадлежу к Фракции Вана и нахожусь с тобой в одной лодке. Как я мог остаться равнодушным к столь важному делу? К тому же я всегда верил в старшего соученика. Прошлым летом, когда я рассказал о том, что в землях Шу началась замена монет бумажными

деньгами, ты ни за что не оставил бы это без внимания. Ты непременно обо всем подумал и принял меры.

Каждое его слово дышало глубоким доверием, в котором сквозило восхищение и почтение, не создаваемое до конца даже самим Тан Шэнем.

Он искренне воздавал должное Ван Чжэню.

И это была не лесть или льстивые дифирамбы — глубоко в душе он действительно верил, что Ван Чжэнь обладает столь огромными способностями.

Эти слова запали в душу Ван Цзыфэну, отчего улыбка на его губах стала еще ярче.

Тан Шэнь изложил все свои догадки, накопившиеся за это время, а Ван Чжэнь намеками дал понять, что тот прав. Хотя он и не раскрыл полностью все замыслы Фракции Вана, Тан Шэнь почувствовал, что туман рассеивается и истина вот-вот откроется ему.

Однако о самом главном Ван Чжэнь до сих пор не обмолвился.

Тан Шэнь спросил:

— А кто же... на самом деле убил помощника уездного начальника?

Ван Чжэнь открыл чайницу и достал щепотку чайных листьев. Он разделил их на три кучки: первая была самой большой, рассыпанной ровным плоским слоем; вторая — чуть поменьше, но горка выходила значительно выше первой; а третьих листьев было меньше всего, однако они лежали такой плотной кучкой, что вершина ее возвышалась над остальными.

Ван Чжэнь указал на три горки листьев:

— Представь, что чайники — это люди, а высота кучек — принадлежащее им богатство. Как думаешь, наглядно получилось, младший соученик?

Тан Шэнь мгновенно понял мысль Ван Чжэня и кивнул.

— Со времен прежнего императора Великая Сун постоянно страдает от нехватки денег. Не хватает бронзы, серебра и золота, не хватает материалов для чеканки и отливки монеты. Под властью Великой Сун лежат огромные земли, богатые ресурсами. Пусть торговля процветает и потребность в звонкой монете очень велика, но не до такой же степени, чтобы государству не хватало руды для ее чеканки! И тем не менее денег не хватает катастрофически. Задумывался ли младший соученик, почему так?

Откуда же Тан Шэню было знать!

— Почему?

— Потому что они спрятали слишком много! — Ван Чжэнь ткнул пальцем в третью кучку листьев, будто вершил судьбы мира, и разбросал ее во все стороны.

— Возьмем для примера Клан Ван из Ланъя. Великий знатный род с вековой историей обладает колоссальным достоянием. За столетия они сокрыли необозримое количество монет. Когда деньги укрывают и не пускают в оборот, редкая вещь становится дорогой. В этом кроется одна из причин монетного голода. По законам Великой Сун одна тысяча медяков составляет одну связку, одна связка меняется на один лян серебра, а десять лянов серебра равняются одному

ляну золота. Но так написано в законе. На деле же, если ты принесешь десять тысяч медяков, желая выменять один лян золота, тебе его ни за что не отдадут! Придется накинуть еще тысячу медяков, только тогда кто-нибудь согласится на обмен! Золото дороже всего, серебро идет следом, а медь ценится ниже прочего. У Клана Ван из Ланъя еще век назад имелась сокровищница, а сколько в ней хранится золота — ведомо лишь каждому очередному главе клана!

Только теперь Тан Шэня осенило.

По правилам одна тысяча медяков равнялась лян серебра. Но это лишь правила. Если у человека есть серебро, но он не хочет его менять, ты ничего не получишь!

Золото ценнее всего и почти не обесценивается, серебро — на втором месте.

Именитые кланы и богатые дома накопили и спрятали уйму денег. Не пуская монеты в оборот, они делали их всё ценнее и ценнее!

Ван Чжэнь сменил тон и холодным взглядом посмотрел на рассыпанные по столу чаинки:

— В чьих именно руках погиб помощник уездного начальника Цзянду, мне неизвестно. Но он совершенно точно пал от рук этих людей. Замена монет бумажными деньгами забивает гвоздь в их выгоду. Для Великой Сун это благо, но для этих родов — чистый убыток.

— Так понимаешь ли ты теперь, младший соученик, ради чего он умер?

Реформы с древнейших времен были классовой борьбой.

Тан Шэнь прекрасно это понимал и тяжело вздохнул:

— Разъяснения старшего соученика всё прояснили.

Ван Чжэнь усмехнулся:

— Пока воплощается замена монет бумажными деньгами, подобного столкновения не избежать. Раз уж Левый канцлер вызвался возобновить работу Финансового приказа и рвется в бой первым, пусть беспрепятственно действует. Бескорыстный Левый канцлер преисполнен благородства, готовый сойтись в схватке с утопающими в роскоши великими кланами! Нам остается лишь восторгаться его доблестью, признавая собственное бессилие.

Тан Шэнь поначалу чуть не расхохотался от слов Ван Цзыфэна, но тут же опомнился.

Погоди-ка... Ты ведь прямой потомок Клана Ван из Ланъя, а сам выступаешь против знатных родов и приводишь свой Клан Ван из Ланъя в качестве примера... Это точно нормально?!

Взгляд Тан Шэня был настолько выразительным, что Ван Чжэнь заметил полное отсутствие скрытности у своего младшего соученика — на его лбу буквально читалось: «Старший соученик, ты точно уверен, что поднимать бунт против самого себя — хорошая идея?» Ван Чжэнь тихо засмеялся и неторопливо произнес:

— Клан Ван из Ланъя никогда не отличался косностью. Если взять кланы Ван и Се, то Се переживает упадок, а Клан Ван пребывает в зените своего величия. Младший соученик, задумывался ли ты, почему?

Тан Шэнь надолго задумался, а затем неожиданно вздохнул:

— В проточной воде черви не заводятся, а дверные петли от движения не гниют.

Ван Чжэнь пристально посмотрел на него, и в его глазах вспыхнул еще более яркий огонек.

Тан Шэнь попрощался с Ван Чжэнем и покинул Резиденцию министра.

В проточной воде черви не заводятся, дверные петли от движения не гниют... Всё дело в движении!

<http://bllate.org/book/18292/1754590>